

локур». Насчёт белокурости неизвестно, но по телесным пропорциям неандертальцы настолько отличаются от этой картины, что Р. Вирхов, как известно, принял череп из Неандертала за останки больного рахитом казака, отбившегося от русской армии в 1813 году (Колчинский 2007: 116; Клейн: В печати, XI,2²²). Более того, у современных народов Крайнего Севера пропорции тела приближаются к неандертальским — и не в силу генетического родства, а в силу тех же потребностей теплообмена, под влиянием холодного климата²³. Одним словом, популяция такого физического типа, какими расисты изображают «истинных арийцев», не могла сложиться в высоких широтах. Её место — в Африке, её физический тип — свидетельство «негритянских свойств» — «*Niggertum*», как постоянно пишет автор-нацист, а уроженцы «Арктиды-Гипербореи» могли бы иметь только такие черты, о которых он всегда упоминает с деланным ужасом.

1.6. Ценности «избранной расы»

Когда морализируют добрые, они вызывают отвращение; когда морализируют злые, они вызывают страх.

Ф. Ницше. *Злая мудрость*, 96

Итак, основа различия рас — исповедуемые ими *ценности* (Werte). Это слово не сходит с языка автора с первой до последней страницы. Естественно, он не может не определить, какие именно ценности он считает арийскими. В порядке значимости это:

1. Честь и долг (das Ehre und die Pflicht);
2. Патриархат и культ мужских достоинств;
3. Сохранение чистоты рода;
4. Солярный миф.

Трудно даже сказать при этом, считать ли солярный миф необходимой ценностью в этой системе или случайной деталью картины.

1.6.1. Честь и долг

Основополагающая ценность заявлена со всей чёткостью:

«Так же, как в Двуречье о плодородии и мощи, так же мечтало великое племя в Элладе о красоте и жизнеутверждающем Эросе, так мечтал человек в Индии и на берегах Нила о повиновении [Zucht] и святости, так мечтал германский человек о рае чести и долга» (Rosenberg 1934: 455).

Все важнейшие исторические конфликты — это конфликты между разными мотивами и целями, ради которых действуют люди. Вся 2-я часть 1-й книги — «*Любовь и честь*» (*Liebe und Ehre*) — посвящена борьбе между «германством» и римской церковью. Для последней, как утверждает автор, высшая ценность — любовь, для германцев же — честь.

²² Автор выражает глубокую благодарность доктору исторических наук Л. С. Клейну за возможность ознакомиться с его рукописью «*История антропологических учений*», в данное время находящейся в печати, и за любезное разрешение сослаться на эту рукопись ещё до её выхода в свет.

²³ Все физико-антропологические данные в этом абзаце — по лекции Л. Б. Вишняцкого «*Происхождение *H. sapiens* и судьба неандертальцев*», прочитанной в ВАШ (г. Кишинёв) 23.11.2006 г. Подробнее см.: Вишняцкий 2010: 52—53 и далее.

«На переднем плане ныне стоят две ценности, в которых уже почти две тысячи лет обнаруживается противоположность между церковью и расой, богословием и верой, навязанными догматами и гордостью характера, две ценности, крепко укоренённые в воле и веками борвавшиеся за господство в Европе: любовь и честь. Обе стороны стремились к тому, чтобы утвердить их как высшие ценности: церкви стремились — как ни странно это может звучать — господствовать с помощью любви, северные европейцы желали свободно жить честью или умирать свободно в чести. Обе идеи находили самоотверженных мучеников, но все же их столкновение не всегда приводило к яснейшему сознанию...» (Rosenberg 1934: 146).

Однако рыцарская честь, как не раз указывает М. Оссовская (1987), — это признание и одобрение со стороны равных себе, она характерна для групп с сильно развитым общественным мнением. Долг же здесь понимается вполне конкретно — как долг по отношению к своему сеньору. Иную картину мы находим у нацистского автора. Для него и честь, и долг опираются на *волю*, которую он трактует по Шопенгауэру:

«Я познаю волю не как нечто целостное и совершенное, а только в отдельных актах во времени; я не могу, таким образом, представить себе волю; она вне времени и пространства. Как независимая от представления, *воля не подчинена тезисам причины, беспричинна*; и такова она во всех проявлениях. Со времён Канта все это подходит только вещи в себе, следовательно, воля — это вещь в себе. Как таковая она свободна, как явление — несвободна, предопределена (детерминирована). Свобода лежит как бы за нами, срок её действия не настает никогда. Из того следует, что наш эмпирический характер, предстающий нам в наших действиях как несвободный и неизменный, представляет, тем не менее, объективацию свободного умопостигаемого; эмпирический характер возводится к умопостигаемому, как явление — к вещи в себе. Наиболее точно, как бы в фокусе, воля объективируется в половом инстинкте, в безусловной воле к жизни. Она — вечное желание и стремление, которые после короткого успокоения всегда снова приводятся в действие вождением за этой демонической основной чертой без отдыха и спокойствия» (Rosenberg 1934: 327; выделено мной — Л. М.).

Кстати, предпоследняя фраза — явно фрейдистская, но опять же — без ссылки на Фрейда!

Для современного психолога человек желает чего-то потому, что ему это нужно, в силу каких-либо объективных потребностей — материальных или духовных, естественных или надуманных. Для Шопенгауэра и его последователей человек желает потому, что желать — его свойство, этаким внутренний зуд. Весь мир — лишь «воля и представление», поэтому никакой объективной опоры для воли нет, она буйствует сама по себе:

«Нам присущи две интеллектуальные способности: рассудок, способность распознавания причинной связи (которое мы имеем совместно с животными), и разум, способность абстракции (которое только дано нам). Функция рассудка состоит в образовании представлений, деятельность разума в образовании понятий, из чего только и вырастает наш язык, наука, вообще вся наша культура. Этот разум является теперь “женственной природы: он может что-либо дать, только забеременев”. Вместе с тем основная догма шопенгауэровских воззрений очевидна. Разум — функция мозга; мир, таким образом, оказывается “феноменом мозга”. Мышление — это, со своей стороны, выделительный процесс, вроде секреции слюны» (Rosenberg 1934: 325).

Поэтому воля может быть направлена только на иллюзорные цели — других на свете нет. Но тогда чем отличается «истинный ариец» от обычного клинического шизофреника?

Розенберг находит для воли лишь один критерий — эстетический, поэтому целая 2-я книга у него и посвящена эстетике. Впрочем, эстетизм — опять-таки не его изобретение: гораздо раньше и ярче его обосновывали А. Шопенгауэр, Р. Вагнер, Ф. Ницше, О. Уайльд. На открытии «*Большой выставки итальянского XX века*» в Милане (1926 г.) Муссолини с обычным для него фатовством говорил:

«Во-первых: какова связь между политикой и искусством? Что общего между политиком и художником? Возможно ли выстроить иерархию между этими двумя проявлениями человеческого духа? Что политика есть искусство, в этом нет сомнений. Она, разумеется, не наука. Тем более она — не эмпирический опыт. Следовательно, это — искусство. Также поэтому в политике есть много интуитивного. “Политическое” творчество, как и художественное, — медленная выработка и внезапное нахождение. В некий момент художник творит с помощью вдохновения, политик — с помощью решения (решимости?). Оба обрабатывают материю и дух. Оба преследуют идеал, который их тревожит и превосходит. Чтобы дать народу мудрые законы, приходится, помимо всего, быть немного художниками. Между художником и политиком есть и ещё один пункт сходства — дух недовольства. Напряжённая неудовлетворённость нужна для совершения намеченных дел, которые никогда не бывают такими, как предполагалось. Плоское наслаждение будущим незнакомо как художнику, так и политику. Сколько в (этой) иерархии аргументов, которые увели бы меня далеко... Вероятно, я не сказал ничего интересного, но я хотел бы прийти к первому скромному выводу: нет несовместимости между политиком и искусством как своего, так и других времён» (Mussolini 1926).

В отличие от Муссолини — как-никак профессионального журналиста, у которого были если не оригинальные мысли, то хотя бы отработанный профессиональный стиль, — Розенберг был способен даже не рассуждать об эстетике, а лишь склонять само это слово на все лады. Зато «эстетическая воля» превращается у него в оправдание всему. Нет ни добра, ни зла — есть лишь зрелище (Schau), и нужно одно — чтобы это шоу было круто. Не случайно именно фашистский эстетизм в политике нередко считается корнем всех зол. И даже задача нацистского движения определяется его «партийным философом» как чисто эстетическая:

«Новое просыпающееся сегодня рабочее движение — национал-социализм — должен будет показать, в состоянии ли он подарить немецкому рабочему и с ним всему народу не только политическую идею, но и идеал красоты мужской силы и мужской воли, духовную высшую ценность, господствующую надо всеми прочими, и вместе с тем предпосылку для органической, наполняющей жизнь и порождающей жизнь формы искусства» (Rosenberg 1934: 448).

Прежде чем перейти к «мужскому» характеру этих достоинств, заметим следующее. Воля (Wille) как целенаправленное влечение в одном из бесконечных и безразличных направлений мирового Ничто здесь чётко отделяется от инстинкта (Trieb), обращённого только к себе (к удовлетворению личных потребностей). Этому различию посвящена целая глава (II.2). Ограничимся одной, самой понятной цитатой:

«... поэтому еврейское “искусство” является также почти единственным, обращённым к *инстинкту*. оно не будит таким образом ни эстетическое самозабвение, ни превра-

щается в волю, а только (в лучшем случае) в техническое суждение или в субъективное возбуждение чувства» (Rosenberg 1934: 364; выделено мной — Л. М.).

В конечном итоге, однако, все эти разграничения автор не сумел провести чётко. Граница между инстинктом и волей у него осталась такой же туманной, как граница между рассудком и разумом — граница, о которой психология перестала заботиться, как только из сферы спекулятивной философии перешла в сферу науки.

1.6.2. Ценности патриархата

Современная антропология, в общем-то, согласна с тезисом ещё классического эволюционизма, что патриархат возникает на сравнительно поздней ступени развития родового общества. Он возможен и оправдывает себя только на довольно высокой ступени общественного развития, когда ведущим становится производящее хозяйство, требующее не женской терпеливости и внимания к подробностям, а мужской физической силы. Зато реальность матриархата не доказана вообще. Его признаки (например, счёт родства по материнской линии, исполнение женщинами некоторых ритуалов) уходят в такую древность, когда вообще ещё не существовало власти в её современном понимании, в том числе и власти женщин.

Для Розенберга же «аполлонический принцип отцовской власти» (1934: 54, «das apollinische Paternitätsprinzip») — изначальное свойство арийцев. По его мнению, «Мойры (так же как норны германского мира богов) женственны, так как в женщине полностью господствует безличное, это лишь безвольно-растительная носительница закона» (: 42).

Целая глава — «Государство и полы» (Rosenberg 1934: 482—522) — занята рассуждениями о «половой полярности», аргументами в пользу того, что государственная власть выросла из мужских союзов. Больше того, женское движение XIX века оказывается в одном ряду «со всеми другими вредными силами: с мировой торговлей, демократией, марксизмом, парламентаризмом» (Rosenberg 1934: 497). «Следствием этого женского господства в Америке является необычно низкий культурный уровень нации» (Rosenberg 1934: 501). Только о евреях и католиках нацистский автор отзывался ещё оскорбительнее, чем о женщинах.

«Когда после десятилетней борьбы Троя, наконец, пала, была освобождена и причина этой борьбы народов: Елена входит в круг бойцов. Гомер не изображает её красоту, но лишь эффект, произведённый ею на окружающих. Воины, потерявшие друзей и братьев, претерпевшие тысячи лишений, единодушно решили, что ради этой женщины, ради этой красоты стоило пролить потоки крови. Таков греческий дух [Griechentum]! Была ли Елена внутренне достойна того, чтобы стоять в эпицентре драмы народов, не играет никакой роли. Даже вероятнее, что эта самка [Weibchen] так же хорошо чувствовала бы себя где-нибудь под Парижем, как и в постели царя Спарты. Во всяком случае, никакого сожаления о её судьбе незаметно» (Rosenberg 1934: 308).

Судя по тому, сколько места уделил автор этому вопросу, в личной жизни у него явно были проблемы. Впрочем, среди диктаторов расстройств в сексуальной сфере — скорее правило. Достаточно назвать шекспировского Ричарда III с его страстью «царить над теми, кто красивее меня», или парагвайского правителя Х. Г. Франсиа, или Гиммлера (не удовлетворял ни жену, ни любовницу, хоть и имел трёх детей, и скрывался от обеих на работе — с 8 утра до двух ночи). И именно в нацистской верхушке половые отклонения встречались особенно широко. Дедушка Фрейд с его